

**Отечественная психолингвистика:
вчера, сегодня, завтра
(субъективные заметки об изучении механизмов
порождения и понимания речи)**

© 2020

Ольга Викторовна Федорова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; olga.fedorova@msu.ru

Аннотация: В статье содержится обзор истории отечественной психолингвистики, а именно той ее ядерной части, которая посвящена изучению механизмов порождения и понимания речи, а также исследованиям устройства «ментального лексикона» человека. Обзор представлен в контексте истории развития мировой психолингвистической науки по В. Лефельту. Подробно описано возникновение российской психолингвистики в начале XX в., ее становление во второй половине XX в., современное состояние и перспективы ее дальнейшего развития в первой половине XXI в. Основное внимание уделено описанию двух ведущих отечественных психолингвистических школ — Петербургской школы, идущей от работ Л. В. Щербы, и Московской школы, неразрывно связанной с именем А. А. Леонтьева. Ключевым термином данной работы является термин «эксперимент». В статье показано, насколько по-разному он трактуется в исследованиях психолингвистов разных школ и направлений. В работе дается подробное описание двух экспериментальных исследований. Первое исследование, выполненное американскими учеными при помощи метода регистрации движений глаз, посвящено феномену синтаксического неоднозначности, играющему важную роль при тестировании моделей синтаксического анализа предложений в процессе понимания речи. Второе исследование, выполненное московскими учеными с использованием метода ассоциативного эксперимента, описывает языковое сознание носителей русского языка. В заключительной части подводятся итоги, делается вывод о господствующей научной парадигме в современной отечественной психолингвистике, а также обсуждаются перспективы развития отечественной психолингвистики с точки зрения концепции Т. Куна о «научных парадигмах» и «научных революциях».

Ключевые слова: история лингвистики, лингвистика в СССР, лингвистика в современной России, методология лингвистики, психолингвистика, эксперимент

Благодарности: Автор выражает благодарность коллегам, помогавшим в подборе материалов: Т. В. Ахутиной, Е. В. Ерофеевой, О. Ф. Кривновой, А. А. Леонтьевой, Т. М. Надиной, И. Г. Овчинниковой, Н. Д. Светозаровой, Н. А. Слюсарь, М. В. Фаликман. Также большое спасибо коллегам, прочитавшим статью в рукописи и сделавшим много полезных замечаний: И. М. Кобозевой, А. А. Козлову, Н. А. Коротаеву, А. Л. Леонтьевой, Е. А. Лютиковой, Т. А. Майсаку, С. А. Малютинной, И. Г. Овчинниковой, В. А. Плунгяну, М. С. Полинской, И. А. Секериной, Н. А. Слюсарь, М. В. Фаликман, А. Б. Шлуинскому, М. В. Юдиной, а также двум анонимным рецензентам. Данный обзор содержит как историографические, так и оценочные суждения автора. Коллеги, оказавшие помощь в подборе материалов и прочитавшие статью в рукописи, могут не разделять оценочные суждения автора.

Для цитирования: Федорова О. В. Отечественная психолингвистика: вчера, сегодня, завтра (субъективные заметки об изучении механизмов порождения и понимания речи). *Вопросы языкознания*, 2020, 6: 105–129.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.105-129

Russian psycholinguistics: Yesterday, today, tomorrow (subjective notes on the study of mechanisms of language production and comprehension)

Olga V. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; olga.fedorova@msu.ru

Abstract: The paper contains an overview of the history of Russian psycholinguistics, namely the core part of it, which studies the mechanisms of language production and language comprehension, as well as research on the structure of the “mental lexicon”. The review is presented in the context of the history of worldwide psycholinguistics by W. Levelt. The paper describes in detail the emergence of Russian psycholinguistics in the early twentieth century, its formation in the second half of the twentieth century, the current state and the prospects for its further development in the first half of the twenty-first century. The main attention is paid to the description of two leading Russian psycholinguistic schools — the St. Petersburg school, which comes from the works of L. V. Shcherba, and the Moscow school, which is inextricably linked with the name of A. A. Leontiev. The key term of the study is the term “experiment”. The paper shows how differently it is interpreted in the psycholinguistic research of different schools and directions. The paper provides a detailed description of two experimental studies. The first study, performed by American scholars using the eyetracking methodology, is devoted to the phenomenon of syntactic ambiguity, which plays an important role in testing models of syntactic analysis in the process of language comprehension. The second study, performed by Moscow scholars using the method of associative experiment, describes the linguistic consciousness of Russian speakers. The final part summarizes the results, concludes about the prevailing scientific paradigm in modern Russian psycholinguistics, and also discusses the prospects for Russian psycholinguistics in the light of T. Kuhn’s concepts of “scientific paradigms” and “scientific revolutions”.

Keywords: experiment, history of linguistics, linguistic methodology, linguistics in contemporary Russia, linguistics in the USSR, psycholinguistics

For citation: Fedorova O. V. Russian psycholinguistics: Yesterday, today, tomorrow (subjective notes on the study of mechanisms of language production and comprehension). *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 6: 105–129.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.105-129

Введение

Говоря о психолингвистике (далее ПЛ), полезно различать использование этого термина в широком и узком смыслах слова. ПЛ в широком смысле слова — это междисциплинарная когнитивная наука, исследующая процессы овладения родным и иностранными языками (усвоение языка), порождение и понимание речи (ПЛ в узком смысле слова), а также мозговые механизмы речевой деятельности (нейролингвистика). Если в XIX и XX вв. о ПЛ (или психологии языка) часто говорили в широком смысле слова, то в последние несколько десятилетий три ее составные части — усвоение языка, ПЛ в узком смысле слова и нейролингвистика — уже во многом оформились в виде самостоятельных научных дисциплин со своими собственными методами, исследовательскими стандартами, специализированными научными ассоциациями, журналами и конференциями (что, разумеется, не исключает проведения совместных исследований и конференций). В данном обзоре речь пойдет только о ПЛ в узком смысле слова, то есть науке о том, как человек порождает и понимает речь. По этой причине мы не будем подробно останавливаться на работах таких известных отечественных нейролингвистов, как Т. В. Ахутина и Т. В. Черниговская (см. также

исследования Центра языка и мозга НИУ ВШЭ под руководством О. В. Драгой), а также специалистов в области усвоения языка (в том числе Т. В. Базжиной, М. Д. Воейковой, В. В. Казаковской, Н. И. Лепской, С. Н. Цейтлин и др.).

Рождение ПЛ как науки обычно датируется серединой XX в., см. некоторые цитаты из отечественных учебников: «Психолингвистика — наука довольно молодая. В нашей стране и за рубежом она возникла примерно в одно и то же время, в конце 50-х — начале 60-х годов XX в.» [Горелов, Седов 1998: 4]; «Как отдельная наука она возникла в 1953 г. в результате межуниверситетского семинара...» [Леонтьев 1997: 22]; «Психолингвистика — наука, возникшая сравнительно недавно, в начале 1950-х гг. прошлого столетия. (...) Хотя признание психолингвистики как серьезной науки в отечественной научной среде состоялось только в начале 60-х гг. XX столетия...» [Глухов 2005: 3]; «Возникновение современной психолингвистики датируют 1953 годом, когда на семинар в Блумингтоне собрался цвет психологического и лингвистического сообщества...» [Ушакова 2006].

В данной работе, однако, мы будем придерживаться принципиально другой точки зрения, которая стала популярной после выхода в 2013 г. книги В. Лефельта «История психолингвистики: дохомскианская эра» [Levelt 2013]¹. В этой книге автор впервые убедительно показывает, что ПЛ как наука возникла не на заре «когнитивной революции» середины 1950-х гг., а задолго до этого, его аргументацию см. ниже.

Основная задача данного обзора — описать становление, современное состояние и перспективы развития отечественной ПЛ. Но рассматривать ее мы будем не изолированно, а в контексте развития мировой психолингвистической науки, с краткого экскурса в историю которой мы и начнем статью (раздел 1). Далее в разделе 2 будут описаны две основные отечественные психолингвистические школы — Петербургская и Московская. Наконец, в разделе 3 мы сделаем прогноз относительно дальнейшего развития отечественной ПЛ в первой половине XXI в.

Ключевым термином данной работы будет термин «эксперимент». Мы покажем, насколько по-разному он трактуется в работах разных психолингвистов.

1. История мировой психолингвистики

Сам термин «психолингвистика» (psycholinguistics) был введен Дж. Кантором в 1936 г. в книге “An objective psychology of grammar” [Kantor 1936], но оставался малоизвестным до 1946 г., пока его ученик Н. Пронко не опубликовал статью под названием “Language and psycholinguistics: A review” [Pronko 1946]. Между тем термин «психология языка» (psychology of language) активно использовался с конца XIX в. Центральная мысль книги Лефельта состоит в том, что «ПЛ есть не что иное, как психология языка» [Levelt 2013: 1] (перевод мой. — О. Ф.).

Лефельт предлагает такую периодизацию ПЛ: ее корни можно найти уже в работах конца XVIII в., с конца XIX в. она становится сложившейся научной дисциплиной, а в первой половине XX в. наблюдается ее бурный рост и расцвет. В 1950-х гг., однако, происходит

¹ Виллем (Пим) Лефельт (род. в 1938) — выдающийся современный психолингвист, основатель и многолетний директор Института психолингвистики общества Макса Планка в Неймегене (Max Planck Institute for Psycholinguistics). Получив степень PhD по психологии в Лейденском университете в 1965 г., он несколько лет работал в США, в том числе в Гарварде с Дж. Миллером и Дж. Брунером, в университете Иллинойса с Ч. Осгудом и в Принстоне с Дж. Кэрроллом. Его книга “Speaking: From intention to articulation” (1989) до сих пор остается одной из самых читаемых и цитируемых среди (психо)лингвистов.

Более подробно о книге [Levelt 2013] см. в статье [Федорова 2016]. Первая часть раздела 1 данной работы представляет собой краткий переработанный вариант этой статьи.

резкая смена парадигмы — Н. Хомский и Дж. Миллер заменяют традиционную психологию языка новой генеративной ПЛ. Книга Лефельта имеет подзаголовок «Дохоумскианская эра», или, кратко, “Psycholinguistics BC”, а водораздел проходит по известной книге Б. Скиннера “Verbal behavior” [Skinner 1957] — по Лефельту, сама книга еще принадлежит к области традиционной психологии языка, а рецензия на эту книгу, написанная Хомским [Chomsky 1959], — уже нет.

По мнению Лефельта, рождение психологии языка произошло в Европе в 1770 г., когда И. Г. Гердер (1744–1803) представил свою работу “Abhandlung über den Ursprung der Sprache” Прусской Академии наук [Herder 1772]. Также необходимо упомянуть имена В. фон Гумбольдта (1767–1835), Ч. Дарвина (1809–1882), А. Шлейхера (1821–1868) и Х. Штейнтала (1823–1889); биографии Гумбольдта, Шлейхера и Штейнтала можно найти в хрестоматии В. А. Звегинцева и учебнике В. М. Алпатова (о Гумбольдте см. [Звегинцев 1964: 68; Алпатов 2005: 60]; о Шлейхере см. [Звегинцев 1964: 104; Алпатов 2005: 76]; о Штейнтале см. [Звегинцев 1964: 122; Алпатов 2005: 82]). Самой значительной психологической фигурой этого времени был В. Вундт (1832–1920), чей двухтомный труд “Die Sprache” [Wundt 1900] подвел черту под первым этапом развития психологии языка.

Говоря о развитии психолингвистических идей в Европе в первой половине XX в., прежде всего необходимо назвать имена К. Бюлера (1879–1963) и А. Гардинера (1879–1963); о Бюлере см. [Звегинцев 1965: 20; Алпатов 2005: 151]; о Гардинере см. [Звегинцев 1965: 12; Алпатов 2005: 151]. Кроме того, в начале XX в. в Европе возникла гештальтпсихология — направление, выдвигавшее в качестве основного объяснительного принципа принцип целостности [Wertheimer 1912].

Что касается США, то там в начале XX в. зародился бихевиоризм — позитивистское научное течение, отрицавшее дуализм сенсомоторной реальности и сознания и признававшее только наблюдаемое «поведение». Сам термин «бихевиоризм» принадлежит Дж. Вотсону (1878–1958), который в 1913 г. опубликовал в журнале “Psychological Review” манифест под названием “Psychology as the behaviorist views it” [Watson 1913]. Также на становление американской психолингвистики тех лет оказали влияние работы Л. Блумфильда (1887–1949), З. Харриса (1909–1992), Дж. Кантора (1888–1984), Б. Скиннера (1904–1990) и Ч. Осгуда (1916–1991).

Описывая развитие в XX в. психолингвистических теорий и методов, Лефельт отмечает большой прогресс по сравнению с идеями XIX в. Однако по отношению к ключевым вопросам ПЛ, связанным с универсальными механизмами порождения и понимания речи, этот кумулятивный эффект оказывается не так велик; скорее, можно говорить о некоторой мозаике из интересных частных исследований. К наиболее значительным новым явлениям первой половины XX в. в этой области Лефельт относит статистический подход Дж. Ципфа (1902–1950), а также новые подходы к исследованию памяти Дж. Миллера и его коллег. Заметный прогресс также был достигнут в области изучения движений глаз при чтении (например, см. [Buswell 1935; 1937]). Наконец, нельзя не отметить диссертацию Дж. Струпа (1897–1973) о словесно-цифровой интерференции, защищенную им в 1933 г., а в 1935 г. изданную в виде журнальной статьи [Stroop 1935].

В послевоенные годы американским ученым, опирающимся в большой степени на исследования А. Тьюринга (1912–1954), удалось добиться существенного прогресса сразу в нескольких областях. Лефельт упоминает в связи с этим работу К. Шеннона (1916–2001) “A Mathematical theory of communication” [Shannon 1948], а также книгу Н. Винера “Cybernetics: Or control and communication in the animal and the machine” [Wiener 1948]. Эти исследования заложили фундамент для развития новой генеративной ПЛ, которая возникла через несколько лет с наступлением «когнитивной революции».

История генеративной ПЛ началась с трех эпохальных событий, состоявшихся в 1951 г., которые, по мнению Лефельта, во многом предопределили «когнитивную революцию». Первое из этих событий — Междисциплинарный летний семинар по психологии и лингвистике, проходивший в Корнеллском университете с 18 июня по 10 августа

1951 г. Ключевой фигурой этого семинара стал Дж. Кэрролл (1916–2003), биография которого изобилует встречами с известными людьми того времени. Еще будучи четырнадцатилетним подростком, Кэрролл попал на публичную лекцию Б. Уорфа (1897–1941), в то время аспиранта Э. Сепира (1884–1939). Случайная встреча переросла в многолетнюю совместную работу. Б. Уорф познакомил молодого Кэрролла с Сепиром, который посоветовал ему заняться психологией языка — на взгляд Сепира, это сулило большие возможности, чем лингвистическая типология. Поступив в аспирантуру университета Миннесоты, Кэрролл стал первым аспирантом Скиннера, который, в свою очередь, познакомил Кэрролла с Ципфом. Приняв в 1950 г. предложение фонда Карнеги исследовать состояние дел в современной лингвистике, Кэрролл за год обехал всю страну, взяв интервью у многих известных лингвистов. Его отчет содержал рекомендацию развивать новое направление “*Language psychology*”, которую он сам успешно воплотил в жизнь, получив грант на проведение в 1951 г. междисциплинарного семинара. Кроме самого Кэрролла, в работе семинара приняли участие Ч. Осгуд, Р. Соломон, Т. Себеок и др. По итогам семинара было объявлено о создании комитета по лингвистике и психологии, который возглавил Осгуд. Второй междисциплинарный семинар, прошедший летом 1953 г. в университете Индианы, завершился изданием в 1954 г. коллективной монографии “*Psycholinguistics: A survey of theory and research problems*” под ред. Осгуда и Себеока [Osgood, Sebeok 1954], в которой были описаны три источника новой психолингвистической науки: теория коммуникации Шеннона, дескриптивная лингвистика Гринберга и необихевиористская психология Осгуда.

Второе важное событие 1951 г. — выход в свет книги Дж. Миллера “*Language and communication*” [Miller 1951]. Миллер не принимал участия в летнем семинаре 1951 г., однако идеи этих проектов во многом перекликались. Буквально через несколько лет Миллер станет ключевой фигурой новой генеративной ПЛ.

Наконец, третьим эпохальным событием 1951 г. Лефельт считает выход статьи К. Лешли (1890–1958) “*The problem of serial order in behavior*”, в которой была предпринята первая серьезная атака на господствовавший в то время бихевиористский подход [Lashley 1951].

Новый этап развития ПЛ начался с появлением в ее рядах Н. Хомского, который, во-первых, вооружил (психо)лингвистику новым методологическим аппаратом [Chomsky 1957] и, во-вторых, в развернутой рецензии [Chomsky 1959] на книгу Скиннера «Речевое поведение» (1957) показал, что бихевиористские идеи плохо подходят для анализа естественного языка. Немаловажную роль в становлении этого этапа в 1960-х гг. сыграла безоговорочная поддержка хомскианских идей Миллером, бывшим в те годы уже авторитетным психологом.

Постепенно многим психолингвистам (как исходным сторонникам идей Хомского и Миллера, так и их последовательным оппонентам — М. Гарретту, Д. Слобину, Т. Беверу, Дж. Брунеру, Дж. Верчу) стали очевидны недостатки трансформационной и последующих генеративных теорий. Их работы подготовили почву для того, чтобы после опубликования в 1983 г. книги Дж. А. Фодора “*Modularity of mind*” [Fodor 1983] на смену хомскианской ПЛ пришел когнитивный модульный подход: психолингвисты перестали признавать исключительную роль лингвистики и в особенности ее синтаксической составляющей, и вновь стали обращать внимание на другие когнитивные модули процесса речевой деятельности. Важной составляющей этого этапа стали быстро развивавшиеся в те годы новые высокоточные экспериментальные методы.

По оценке многих психолингвистов, работающих в этой области не один десяток лет, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ПЛ приобрела принципиально новый статус. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные учебные пособия, монографии и программные статьи, вышедшие в те годы, а также учреждение в 1988 г. ежегодной американской психолингвистической конференции CUNY Conference on Human Sentence Processing, а чуть позже и ежегодной европейской конференции Architectures and Mechanisms for Language Processing (AMLAP).

Однако важно отметить, что все эти годы ПЛ развивалась не «на стыке» психологии и лингвистики, как это часто пишут. Традиционно выделяют три основных типа междисциплинарного взаимодействия. При кроссдисциплинарности некоторое исследование проводится в рамках одной науки с позиций другой, при этом новое знание образуется только в науке-реципиенте, см. таблицу. При мультидисциплинарном подходе мы наблюдаем механическое сложение научных достижений каждой из двух дисциплин для решения какой-либо задачи, актуальной для обеих, однако общего нового знания также не образуется. Наконец, при интердисциплинарности новое знание образуется в каждой из двух наук, причем это знание является общим (именно в таком случае используют метафору «на стыке наук»).

Таблица

Типология стратегий междисциплинарного взаимодействия

Принцип	кросс~	мульти~	интер~
Новое знание образуется в каждой науке	–	+	+
Новое знание является общим для обеих наук	–	–	+

Считается, что ПЛ образовалась при кроссдисциплинарном взаимодействии, при котором из дисциплины-донора (психологии) в дисциплину-реципиент (лингвистику) были заимствованы прежде всего исследовательские методы.

Теперь кратко обозначим основные отличительные черты современной ПЛ.

- 1) Если в первые годы после «когнитивной революции» ПЛ тестировала «психологическую реальность» (как теперь ясно, весьма сомнительную) генеративной грамматики, то к началу 1990-х гг. она превратилась в самостоятельную дисциплину со своей собственной научной и методологической базой.
- 2) ПЛ исследует процессы порождения и понимания речи, а также устройство «ментального лексикона». В самых общих чертах процесс порождения устной² речи начинается с намерения говорящего передать собеседнику некоторую мысль (этап концептуализации по работе [Bock, Levelt 1994]³), затем происходит выбор слов и синтаксической структуры (этап формулирования) и переход к артикуляции (этап артикуляции). Процесс понимания устной речи начинается с того, что слушающий сегментирует и распознает звуковой сигнал (этап акустического анализа), затем анализирует слова и синтаксические структуры (этап декодирования) и переходит к интерпретации сообщения (этап концептуализации). «Ментальный лексикон», т. е. хранилище в человеческой памяти «готовых блоков» текста — слов, морфем, конструкций и т. п. [Treisman 1961], играет центральную роль как при порождении, так и при понимании речи. Психолингвисты занимаются исследованием конкретных языковых процессов, которые происходят на том или ином этапе, что дает возможность постоянно уточнять существующие модели.
- 3) В целом в ПЛ представлены разные методы работы: и моделирование, и наблюдение, и эксперимент. Однако подавляющее большинство проводимых исследований опирается именно на эксперимент. Методология эксперимента пришла в ПЛ из области экспериментальной психологии, см. классические для своего времени книги

² В данном описании мы оставляем за скобками процесс порождения и понимания **письменной** речи.

³ Модель порождения речи мы описываем по наиболее популярной работе [Bock, Levelt 1994], однако ее основы были заложены в [Levelt 1989]. Современное состояние подобных исследований см. в специальном номере журнала “Language, cognition and neuroscience” (2019), посвященном тридцатилетию выхода работы [Levelt 1989].

Р. Вудворта⁴ [Woodworth 1938], Р. Готтсданкера [Gottsdanker 1982] и Б. Кантовица [Kantowitz et al. 2015]. В строгом научном смысле слова экспериментом называется проверка некоторой гипотезы каузального характера (то есть гипотезы о причинно-следственной связи одного явления с другим). Если мы проверяем просто гипотезу о связи одного явления с другим, то, в соответствии с общепризнанной практикой, подобное корреляционное исследование экспериментом в строгом смысле слова не является. В эксперименте исследователь манипулирует одной или несколькими независимыми переменными, определяя их воздействие на зависимую переменную. Наиболее важными общенаучными принципами являются контролируемость экспериментальных условий и воспроизводимость результатов.

- 4) В ПЛ представлена очень широкая и хорошо разработанная палитра экспериментальных методов. Современные психолингвисты проводят эксперименты не только при помощи метода «карандаша и бумаги», но и используют более технологичные установки, включая метод регистрации движений глаз. Также активно используются такие методы и способы представления стимульного материала, как задача лексического решения, прайминг, чтение с саморегулирующей скорости, метод разыгрывания сцен, метод повторения слова, метод обнаружения фонемы, метод называния по рисунку, быстрое последовательное зрительное предъявление и многие другие. Подробнее о методах в ПЛ см., в частности, [Федорова 2020: Гл. 5].
- 5) Для ПЛ принципиально важна возможность интеграции результатов каждого конкретного эксперимента в общую парадигму исследований.

Комментарий 1. Рассмотрим более подробно, как устроено современное экспериментальное исследование, на примере статьи М. Таненхауса с коллегами, в 1994 г. представленной в виде доклада на конференции CUNY, а в 1995 г. опубликованной в журнале “Science” [Tanenhaus et al. 1995]. Оно было посвящено синтаксической неоднозначности, играющей важную роль при тестировании моделей синтаксического анализа предложений.

Известно, что испытуемый чаще интерпретирует неоднозначную часть предложения, выделенную в примере (1a) полужирным шрифтом, как аргумент с семантической ролью цели (‘Положите яблоко (куда?) на полотенце...’), чем как модификатор имени (‘Положите то яблоко, которое на полотенце...’), см. пример (1b). Когда же он слышит окончание предложения (1a), то понимает, что его первоначальное прочтение было неправильным — данный эффект называют эффектом садовой дорожки (от англ. *to lead someone up* (в амер. англ. *down*) *the garden path* ‘вводить в заблуждение’).

- (1) a. **Put the apple on the towel** into the box.
- b. Put the apple that’s on the towel into the box.

Почему испытуемые интерпретируют это предложение таким образом? Разные модели дают разные ответы. В модели садовой дорожки это объясняется принципом минимального присоединения и общей идеей, что аргументы присоединяются легче, чем адьюнкты [Frazier 1987], а в модели ограничений — влиянием дискурсивных факторов [MacDonald et al. 1994].

Основные различия между этими моделями сводятся к следующему. Модель садовой дорожки, принадлежа к числу последовательных моделей, постулирует построение только одной синтаксической структуры и процедуру последующей корректировки в случае ошибочного первоначального анализа. В модели ограничений — параллельной модели — сразу строятся все возможные альтернативные структуры, выбор между которыми осуществляется путем конкуренции. Модель садовой дорожки, принадлежа к числу модулярных моделей, постулирует, что общий процессор состоит из отдельных модулей, которые осуществляют работу в строгой последовательности, при этом синтаксический анализ предшествует семантическому [Fodor

⁴ В отечественной психологической литературе сложилась не вполне понятная практика транслитерации этой фамилии как Вудвортс.

1983], в то время как сторонники модели ограничений исходят из идеи взаимозависимости, полагая, что синтаксический анализ предложения происходит под влиянием в том числе семантической информации [Crain, Steedman 1985].

Таким образом, эти модели различаются своими предсказаниями относительно влияния контекста: в случае модулярного устройства контекст не должен оказывать влияние на первоначальный синтаксический анализ, а в случае взаимозависимости это влияние должно наблюдаться с самых первых этапов синтаксического анализа. Эксперименты, проведенные ранее, давали противоречивые результаты. Однако во всех этих исследованиях в качестве контекста брали небольшие (обычно длиной в 1-2 предложения) фрагменты текста. Таненхаус с коллегами (1995) предположил, что данный вербальный контекст плохо воспринимается, поскольку он слишком мал.

В работе [Tanenhaus et al. 1995] вместо вербального был использован зрительный контекст. В каждой попытке испытуемые перемещали объекты на горизонтальной поверхности, слушая устные инструкции как в примере (1), в то время как айтрекер (устройство для регистрации движений глаз, eye tracker) фиксировал направление их взгляда. Экспериментальная пара состояла из предложения с неоднозначностью (1a) и соответствующего ему однозначного контрольного предложения (1b). В эксперименте были использованы разные зрительные контексты. В частности, два контекста на рис. 1 различаются количеством референтов: на рис. 1a есть только один референт для ИГ *the apple*, а контекст на рис. 1б включает яблоко на салфетке.

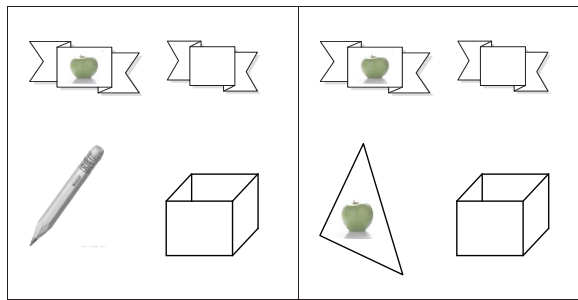

Рис. 1. Контексты с (а) одним; (б) двумя референтами

Проведя статистический анализ, авторы получили, что

- слыша предложение (1a), испытуемые статистически чаще смотрели на пустую салфетку (т. е. интерпретировали предложную группу как цель), слыша (1b) — не смотрели ($t(5) = 4,11, P < 0,01$);
- в контекстах с двумя референтами в обоих случаях испытуемые не смотрели на пустую салфетку, т. е. сразу воспринимали предложную группу как модификатор ($F(1,5) = 8,24, P < 0,05^5$).

Таким образом, авторы работы [Tanenhaus et al. 1995] пришли к выводу, что зрительный контекст оказывает непосредственное влияние на начальные этапы работы синтаксического анализатора и, следовательно, более правдоподобной представляется модель ограничений.

2. История отечественной психолингвистики

История отечественной ПЛ описана намного хуже общемировой. Всем известны имена А. Р. Лурии, Л. С. Выготского или А. Н. Леонтьева, но они — подобно Ж. Пиаже или Ф. Ч. Барлетту в зарубежной науке — являются в первую очередь известнейшими

⁵ Уровень значимости P меньше 0,05 или 0,01 говорит о статистически значимых результатах.

представителями психологической и нейропсихологической традиций, а не собственно психолингвистической. Зарубежные ученые плохо знакомы с традициями российской ПЛ. Это можно проследить, в частности, на примере цитированной выше монографии Лефельта [Levelt 2013]. В этой монографии ни разу не упоминается имя А. А. Потетни (1835–1891), чья книга «Мысль и язык» (1862), несомненно, имеет прямое отношение к истории отечественной ПЛ. В то же время имя И. А. Бодуэна де Куртенэ (1854–1929) упоминается несколько раз, однако Лефельт считает его исключительно польским ученым, не проводя связи с Казанской лингвистической школой и Санкт-Петербургом. Наиболее курьезный случай связан с фамилией Леонтьева. На с. 409 Лефельт пишет, что Лурья вместе с Выготским и Леонтьевым составили тройку ученых, которые основали новую советскую психологическую школу. В сноске к фамилии Леонтьева он правильно указывает даты жизни А. Н. Леонтьева (1903–1979), но далее приводит ссылку на книгу «Язык, речь, речевая деятельность», изданную на русском языке в 1969 г., а в 1971 г. переведенную на немецкий [Leontiev 1971]. На самом деле эта книга принадлежит перу известного отечественного психолингвиста А. А. Леонтьева (1936–2004), сына знаменитого советского психолога А. Н. Леонтьева.

Историю отечественной ПЛ мы представим в виде подробного описания двух основных психолингвистических школ⁶. В этом разделе будет много цитат, взятых из работ отечественных ученых, по которым можно проследить развитие психолингвистических положений и концепций⁷.

2.1. Петербургская школа психолингвистики

Основы Петербургской школы были заложены И. А. Бодуэном де Куртенэ (1845–1929), подробнее см. [Алпатов 2005: 120; Сахарный 1989: 31]. Дело Бодуэна продолжил его ученик Л. В. Щерба — основатель Ленинградской (Щербовской) фонологической школы, создавший лабораторию экспериментальной фонетики в СПбГУ. Кабинет экспериментальной фонетики возник в 1899 г. при кафедре сравнительной грамматики и санскрита по инициативе С. К. Булича (1859–1921). В 1909 г. хранителем Кабинета стал Л. В. Щерба, благодаря деятельности которого и возникла лаборатория экспериментальной фонетики. Первые приборы Щерба купил в 1908 г. в Париже из своей стипендии, но начиная с 1910 г. кабинет ежегодно получал по 1000 рублей на приобретение учебных пособий и самого современного для того времени оборудования: кимографов, установок для работы с палатограммами, наглядных пособий в виде заспиртованных гортаней, муляжей гортани и уха, наборов камертонов и др.

В 1932 г. из кафедры общего и сравнительного языкознания (которой Щерба заведовал с 1917 г. и с которой был смещен Н. Я. Марром, чью теорию Щерба не принял) была выделена кафедра фонетики, которая с 1936 г. называется кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков. Щерба руководил этой кафедрой до своего отъезда в 1941 г. сначала в эвакуацию, а затем в Москву. После этого кафедрой руководили М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко и в настоящее время П. А. Скрелин, об истории кафедры см., в частности, [Svetozarova 2014]⁸.

⁶ Другие школы будут кратко представлены ниже в Комментариях 3, не претендующем на полноту изложения. Кроме того, так как акцент в данном обзоре сделан на экспериментальном подходе, некоторые заслуженные имена, мало связанные с проблематикой эксперимента, будут упомянуты лишь вскользь, например Н. И. Жинкин (1893–1979).

⁷ В этих цитатах разрядкой выделены те слова, ради которых они приведены.

⁸ Отметим также сотрудничество кафедры фонетики с Лабораторией физиологии речи Института физиологии им. И. П. Павлова РАН под рук. Л. А. Чистович и В. А. Кожевникова. Большой вклад

Переходя к вопросу о значении Щербы для отечественной ПЛ, прежде всего вспомним его идеи о необходимости учета отрицательного языкового материала: «Но особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т. п.» [Щерба 1974: 38].

Но самые важные для нас слова Щербы сказаны об эксперименте в языкознании. Отечественная традиция экспериментирования в лингвистике идет от известной работы Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», в которой он пишет: «Большинство лингвистов обыкновенно и к живым языкам подходит, однако, так же, как к мертвым, т. е. накопляют языковой материал, иначе говоря — записывает тексты, а потом их обрабатывает по принципам мертвых языков. Я утверждаю, что при этом получают мертвые словари и грамматики. Исследователь живых языков должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-нибудь предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата и, что любопытно, сопровождается чувством большого удовлетворения, если подвергшийся эксперименту сознательно участвует в нем» [Щерба 1974: 38].

Говоря на современном языке ПЛ, эксперимент по Щербе есть метод вынесения суждений о приемлемости на основании собственной интуиции (т. е. интроспекции) или интуиции другого осведомленного о целях эксперимента человека, подробнее см. [Федорова 2013].

Приведенные выше слова Щербы, сказанные почти 100 лет назад, очень похожи на представления многих современных генеративных лингвистов, которые полагают, что максимально достоверные суждения о приемлемости дают сами лингвисты, иногда основываясь на собственной интуиции, иногда привлекая интуицию своих коллег [Newmeyer 1983: 50]. Однако интроспекция, на которой основаны тесты на вынесение суждений о приемлемости, не дает нам непосредственного доступа к когнитивной деятельности, поэтому мы не можем полностью на нее полагаться (см., например, [Dąbrowska 2010]). Наблюдение (в частности, корпусные данные) и подлинный эксперимент предоставляют дополнительные свидетельства, которые в отличие от интроспекции являются более объективными, хотя также не обеспечивают прямого доступа к ментальной грамматике.

Рассмотрим ту же процедуру вынесения суждений о приемлемости применительно к некоторой репрезентативной группе испытуемых с достаточным количеством языковых стимулов. Если мы затем обсчитаем полученные данные при помощи современной статистики, то, согласно идеям Шютце [Schütze 1996], Коварта [Coward 1997] и их последователей, мы получим более высокий уровень достоверности результатов. В работе [Muers 2009] эта разновидность метода вынесения суждений называется формальным суждением, в то время как рассмотренный выше метод интроспективной оценки назван неформальным суждением. На этих идеях в самом конце XX в. было основано новое направление экспериментальных лингвистических исследований, получившее название «экспериментальный синтаксис». Однако с точки зрения психолингвистики

в развитие исследований в области экспериментальной фонетики внесла также работа в 1965–1992 гг. Всесоюзной школы-семинара «Автоматическое распознавание слуховых образов», подробнее см. [Надеина 2012].

данный метод является экспериментом с низкой внутренней валидностью (т. е. большой степенью субъективности), поэтому находится на самой периферии экспериментальной методологии.

Таким образом, метод, предложенный Щербой в 1930-х гг., в современной ПЛ не является экспериментом в строгом смысле слова, а выросший из него метод вынесения формальных суждений можно считать периферийным методом большой степени субъективности.

Собственно психолингвистический этап исследований Петербургской школы начался в 1970-х гг. и был тесно связан с именем Л. В. Сахарного (1934–1996). Сахарный получил высшее филологическое образование в Уральском государственном университете, в 1963 г. переехал в Пермь. Начав работать на должности ассистента, он через несколько лет защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (бывший Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, ныне ИЛИ РАН). В 1975 г. Сахарный переехал в Ленинград, где в 1979 г. защитил докторскую диссертацию по теории словообразования. Долгое время он работал научным сотрудником в Государственной публичной библиотеке и преподавал на филологическом факультете ЛГУ; он первым стал читать курс ПЛ на кафедре общего языкознания филологического факультета ЛГУ. Во второй половине 1980-х гг. Сахарный совместно со своей женой А. С. Штерн организовал Городской психолингвистический семинар, об этом см. [Овчинникова 2006].

Основные положения Петербургской школы, сформулированные Сахарным в лекциях и семинарских обсуждениях, были изложены в учебнике «Введение в психолингвистику: Курс лекций» [Сахарный 1989]. Ученый пишет, что «в последние три десятилетия, особенно в последние 10–15 лет, в “традиционной” лингвистической среде заметно растет интерес к психолингвистической проблематике», отмечая неслучайность того факта, что с 1985 г. в номенклатуре ВАК специальность 10.02.19 стала называться «общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» [Сахарный 1989: 5]. Однако далее он замечает, что «популярность психолингвистики имеет не только позитивные, но и негативные последствия, ведущие, в частности, к размыванию ее границ» [Там же: 6]. Описывая отличия ПЛ от «традиционной» лингвистики, Сахарный пишет, что «самый ощутимый для понимания специфики психолингвистического исследования фактор — это фактор эксперимента. Для традиционного языкознания (...) характерно достаточно скептическое отношение к возможностям ее экспериментального изучения. (...) Между тем, в психолингвистике (разумеется, активно использующей и метод наблюдения) эксперимент становится существенным, если не ведущим, принципом исследования, надежной эмпирической базой для доказательства справедливости выявленных закономерностей. (...) На основе экспериментальных данных могут строиться гораздо более мощные и адекватные модели речевой деятельности, чем те, которые строятся без опоры на эксперимент» [Там же: 8–9]. Свои мысли о важности эксперимента в ПЛ он подкрепляет актуальной в то время передовицей из «Вопросов языкознания» (без подписи), содержащей такие слова: «...нельзя не отметить отставания в овладении и широком использовании разнообразных экспериментальных методик. Мировая наука переросла уровень описательства, перешагнула его, широко введя в исследовательскую технологию лингвистики самые разнообразные экспериментальные методы» [ВЯ 1987: 7]. Наконец, приведем еще одну важную цитату: «Для проверки правильности результатов эксперимента рекомендуется использовать разные экспериментальные методики и затем сопоставлять полученные данные. Полезно соотнести результаты экспериментов с выводами, полученными не экспериментальным путем. Все это лишний раз выверит стабильность, надежность полученных результатов» [Сахарный 1989: 89].

О современном состоянии Петербургской школы см. раздел 3.

2.2. Московская школа психолингвистики

Создание Московской (и шире — советской) школы⁹ неразрывно связано с именем А. А. Леонтьева (как написано в учебнике [Горелов, Седов 1998: 6], «отцом» советской школы психолингвистики стал А. А. Леонтьев»). Закончив романо-германское отделение филологического факультета МГУ в 1958 г., Леонтьев был принят на работу в Институт языкознания (ИЯз) АН СССР сначала в сектор германских языков, а затем в сектор общего языкознания. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ». В начале 1960-х гг. Леонтьев увлекся ПЛ и уже в 1968 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности» (вторую докторскую диссертацию, на соискание ученой степени доктора психологических наук на тему «Психология общения», он защитил в 1975 г.). В 1969 г. он стал первым руководителем сектора психолингвистики в составе ИЯз. В 1975 г. Леонтьев перешел в только что образованный Институт русского языка им. А. С. Пушкина на должность заведующего кафедрой методики и психологии.

Как вспоминает Т. В. Ахутина, «весной 1966 г. А. А. Леонтьев организовал первый в нашей стране семинар по психолингвистике. Помню энтузиазм докладчиков и слушателей, обсуждения и мини-сообщения продолжались в коридорах Института языкознания и русского языка, в домах участников семинара» [Ахутина 2007: 13].

Проблемная группа психолингвистики была создана решением Ученого совета ИЯз 17 ноября 1967 г. В ее состав вошли сотрудники ИЯз, в том числе А. А. Леонтьев (руководитель), Е. М. Вольф, Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич, А. Н. Журинский, а также Н. И. Лепская (филфак МГУ) и И. И. Ильясов (психфак МГУ), подробнее см. [Леонтьев 1969]. Работа группы началась 28 декабря 1967 г. докладом И. И. Ильясова «“Психологическая реальность” трансформационной грамматики» [Ильясов 1968].

Вот как описываются эти времена в летописи отдела психолингвистики ИЯз РАН: «Так А. А. Леонтьев стал признанным создателем отечественной психолингвистики — теории речевой деятельности, возникшей на стыке психологии и лингвистики. (...) Первая мировая психолингвистическая школа — школа Чарльза Осгуда, возникнув в 1953 г., была вытеснена психолингвистикой Джорджа Миллера — Ноэма Хомского в середине 1960-х гг., когда А. А. Леонтьев опубликовал свои первые работы в области психолингвистики. К середине 1960-х гг. исследования в рамках психолингвистики Осгуда, и, в значительной мере, в психолингвистике Миллера — Хомского показали, что они не могут предложить адекватных решений проблем, ради чего и создавалась эта стыковая дисциплина. А. А. Леонтьев предложил сформировать новую психолингвистику, использовав понятийный аппарат общепсихологической теории деятельности, автором которой был А. Н. Леонтьев. Эта теория, которая еще и сейчас не знает альтернатив, позволяет рассматривать психику человека как активность, направленную на мир, которая может трактоваться как деятельность, состоящая из неречевых и речевых действий» [Д. Леонтьев и др. 2016: 12].

Однако, как уже было отмечено выше, согласно современным представлениям о междисциплинарности метафора «на стыке наук» неприменима к ПЛ. Об этом еще в 1984 г. писала Р. М. Фрумкина [1984б: 6]: «Психолингвистика, хотя она и пересекается с лингвистикой и психологией, не есть “отчасти лингвистика” и “отчасти психология”», о психолингвистических взглядах самой Фрумкиной см. ниже.

К концу 1960-х гг. в рамках теории речевой деятельности (ТРД) была разработана обобщающая модель порождения речевого высказывания Леонтьева — Рябовой

⁹ Или «школы Выготского», по учебнику [Горелов, Седов 1998: 6].

(Ахутиной) — пожалуй, основное достижение отечественной ПЛ. Согласно этой модели, исходным моментом высказывания является его мотив, который вызывает к жизни замысел. На первом этапе порождения речи происходит внутреннее программирование высказывания. Представляя собой иерархию пропозиций, внутренняя программа связана с предикативностью и темо-рематическим членением. На следующем этапе осуществляется внутренняя грамматико-семантическая реализация. Затем происходит моторное программирование высказывания и, наконец, этап внешней реализации; подробнее см., в частности, [Ахутина 2007]. В начале 1970-х гг. был подготовлен «толстый компендиум» (по словам из [Леонтьев 1997]) под названием «Основы теории речевой деятельности» [Леонтьев 1974], в котором были подытожены результаты первых лет исследований.

С 1975 г. сектором психолингвистики ИЯЗ руководит Е. Ф. Тарасов. В 2012 г. сектор был преобразован в отдел психолингвистики, состоящий из сектора общей психолингвистики (рук. Е. Ф. Тарасов) и сектора этнолингвистики (рук. Н. В. Уфимцева). Как указано на сайте отдела, он «является научно-организационным центром, который координировал психолингвистические исследования в СССР, а теперь в Российской [Ф]едерации. В рамках этой координационной деятельности Отделом организовано и проведено 14 Всесоюзных, Всероссийских и Международных симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации. Начиная с середины 1980-х гг. все симпозиумы были посвящены проблеме языкового сознания»¹⁰.

По словам Тарасова, «первый этап развития отечественной психолингвистики — это период рецепции тех достижений, которые были освоены в зарубежной психолингвистике. Позднее на объектную область психолингвистики повлиял заказ, сделанный советскими властями, по исследованию функционирования средств массовой информации. Практическая направленность его заключалась в том, чтобы помочь организовать всемирное телевидение, в связи с чем возникла и из чего выросла проблематика межкультурного общения. Таким естественным образом обозначенные выше проблемы привели нас к изучению языкового сознания» [Тарасов 2010: 15].

Что же такое «языковое сознание»? Данный термин не используется в зарубежной ПЛ (обычно он переводится как “linguistic consciousness”), поэтому представляет загадку для исследователя, не знакомого с отечественной традицией. «Языковое сознание — это совокупность подходов, методов и методик анализа процессов использования знаний при производстве и восприятии речи, которое пришло на смену менее адекватному представлению о значении слова как способа описания знаний, вовлекаемых в процесс речевого общения» [Тарасов 2006: 4]. Как полагает Тарасов [2015: 20], «главная задача, которая стоит перед нами в течение примерно последних двадцати лет, — это изучение языкового сознания, которое, с одной стороны мы рассматриваем как объект, а с другой стороны, как подход к анализу проблем, связанных с содержанием языковых единиц». В статье под названием «Что скрывается за термином “языковое сознание”?» И. Г. Овчинникова [2008] отмечает, однако, что «языковое сознание представляет собой такой аспект изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, неосознаваемых носителями языка. Языковое сознание — скорее предмет исследования, чем объект». Овчинникова также пишет, что «языковое сознание — широко используемый в психолингвистике термин. Этим термином принято обозначать с трудом поддающийся определению феномен — вербализуемые лексическими средствами национального языка результаты ментальной деятельности» [Там же]. Основным (и по большей части единственным) экспериментальным

¹⁰ См. <https://iling-ran.ru/web/ru/departments/psycholinguistics>.

методом Московской школы, призванным исследовать «языковое сознание», является ассоциативный эксперимент (далее АЭ).

Комментарий 2. При помощи АЭ (включая метод семантического дифференциала Осгуда, оценивающий признаки по нескольким семибалльным шкалам, например, сильный — слабый, добрый — злой) в мировой ПЛ изучают устройство ментального лексикона. Считается, что первый АЭ провел английский психолог Ф. Гальтон в 1870-х гг., см. также «Тавистокские лекции» К. Юнга, прочитанные в Лондоне в 1935 г. [Юнг 2015]¹¹. Современные исследователи выделяют три основных типа АЭ: свободный АЭ (испытуемый дает любую вербальную реакцию на стимул); направленный АЭ (на ответ накладываются определенные ограничения; например, испытуемый отвечает с использованием только имен существительных); цепочечный АЭ (испытуемый дает неограниченное количество ассоциаций в течение заданного времени).

Обычно стимулы подаются так, чтобы у испытуемого не было времени на обдумывание. АЭ проводится как в устной, так и в письменной форме. В среднем испытуемые получают по 100 слов, а сам эксперимент продолжается 7 минут. При подобной процедуре обычно не выделяются (не)зависимые переменные, то есть экспериментом этот метод может называться только условно.

Как и в разделе 1, рассмотрим одно конкретное исследование, а именно статью «Стратегии актуализации категории эго в языковом сознании русских (по данным ассоциативного эксперимента)», опубликованную в журнале «Вопросы психолингвистики» [Балясникова, Уфимцева 2018]. Исследование было проведено в 2015–2017 гг. с русскоязычными носителями в четырех республиках России: Коми, Татарстане, Бурятии и Саха (Якутии). Каждая выборка включала 200–300 человек. Задача исследования состояла в том, чтобы установить сходства и различия в содержании и структуре ассоциативных полей стимулов-местоимений в зависимости от региона проживания, исходных гипотез выдвинуто не было. Был проведен свободный АЭ: испытуемым предлагались анкеты с 116 стимулами, они должны были записать первое слово, пришедшее на ум после прочтения стимула.

При анализе собранного материала были описаны содержание и структура ассоциативного гештальта каждого стимульного слова. Ассоциативный гештальт — модель представления ассоциативного значения слова, предложенная Ю. Н. Карауловым и модифицированная авторами статьи. В структуру гештальта входят семантические зоны Субъект, Объект, Характеристика, содержащие основное количество ассоциатов, а также зона Эго.

Рассмотрим подробнее зону Субъект, т. е. «идентификацию, характер которой определяется тем, кто мыслится референтом слова-стимула» [Балясникова, Уфимцева 2018: 21]. К этой зоне относятся такие реакции испытуемых, как *человек, красавчик, студент, добрый, красивый* и т. п. Полные числовые данные приведены в таблицах в приложении. Например, в Бурятии реакции на местоимение *я* находились в зоне Субъект в 57,7% от числа всех случаев; в Коми — в 63,3%; в Саха (Якутии) — 58,1%; в Татарстане — 52,8%. Далее в таблице указан общий итог реакций на местоимение *я*: 231,9% (sic!), а затем и общий итог реакций на все стимулы-местоимения *мои, мой, мы, наш, наши, он, они, ты, я*: 1343,4% (sic!).

Что касается количественных результатов, к сожалению, приведенные данные не дают читателю возможности понять, являются ли различия между регионами статистически значимыми — для этого недостаточно привести статистику в процентах. Более того, сложение полученных процентных данных, особенно при условии разного количества испытуемых в каждой региональной выборке, выглядит статистической катастрофой.

Что касается качественных результатов, посмотрим, как описывают их сами авторы: «По явление эгоцентриков в ассоциативном поле стимула-местоимения происходит неравномерно

¹¹ Известное литературное изложение АЭ приводится в рассказе К. Чапека «Эксперимент профессора Роусса» (написан в 1928 г.): «Итак, мой метод заключается в следующем: я произношу слово, а вы должны тотчас же произнести другое слово, которое вам придет в этот момент в голову, даже если это будет чепуха, nonsens, вздор. В итоге я, на основании ваших слов, расскажу вам, что у вас на уме, о чем вы думаете и что скрываете» (К. Чапек. Сочинения в 5 томах / Пер. Т. Аксель и О. Молочковского. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1. С. 135).

в зависимости и от языковых, и от социальных факторов; действие территориального фактора выражается прежде всего количественно, а в целом ассоциативное значение местоимений оказывается содержательно сложным» [Там же: 14]. Выводы о неравномерности распределения, однако, не подкреплены необходимой статистикой; кроме того, остается неясным, что такое «сложность» ассоциативного значения. На наш взгляд, данный расплывчатый результат не может привести новых знаний.

А какой научный вывод можно было бы сделать, например, из того, что в республиках Коми и Бурятии самыми частотными реакциями на местоимение *он* оказались слова *мужчина, парень, мальчик*, а в Татарстане, напротив, частотнее всего оказалась реакция *человек*? Возможно, русскоязычные жители Татарстана нарушают представление Э. Рош о среднем уровне категоризации? Разумеется, подобные спекуляции могут увести нас очень далеко от современной науки, но в самой работе не было сделано никаких обобщающих выводов.

Однако данные, которые собираются в ходе АЭ (и оформляются в ассоциативные словари), могут быть использованы — и успешно используются в мировой ПЛ — в исследованиях устройства ментального лексикона. В таких случаях говорят о сборе нормированных данных (norms). См., например, самый большой американский тезаурус University of South Florida free association norms [Nelson et al. 1998]¹², Эдинбургский тезаурус The Edinburgh associative thesaurus¹³ или тезаурус слов мексиканского испанского языка [Barrón-Martínez, Arias-Trejo 2014].

Описывая положение дел в отечественной ПЛ конца XX в., Уфимцева замечает, что «начав с критического осмысления и анализа американской психолингвистики, отечественная школа очень быстро, хотя отнюдь не безболезненно, обрела собственное лицо. Постепенно расширяя свой предмет, отечественная психолингвистика выросла в самостоятельную научную дисциплину, работающую на стыке лингвистики, общей, этнической и социальной психологии, культурологии. Сформированы новые области исследования: фоносемантика, этнопсихолингвистика, языковое сознание, коммуникативное сознание, онтогенез языковой способности, психопэтика, слово как достояние индивида, индивидуальный лексикон, теория общения, интен-анализ речи, психологическое литературоведение, психология грамматики. (...) Собран огромный корпус экспериментального материала по разным языкам и культурам, прежде всего в виде ассоциативных словарей, самым большим из которых по объему являются Русский ассоциативный словарь (РАС) и Славянский ассоциативный словарь (САС), созданный на базе четырех языков: белорусского, болгарского, русского и украинского. Защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций, выросла целая плеяда ярких исследователей, написано около десятка учебников, психолингвистика стала учебной дисциплиной. Все это свидетельствует, по словам Ю. Н. Карулова, о том, что психолингвистика вступила в такой период своего развития, когда полностью сформировалась ее парадигма, и она стала по классификации Т. Куна “нормальной наукой”»¹⁴ [Уфимцева 2007: 5].

Отметим, что из перечисленных выше новых областей исследований только область усвоения языка (First Language Acquisition), называемая в цитате онтогенезом языковой способности, имеет аналог в общемировой ПЛ, а все остальные представляют собой чисто отечественные нововведения.

¹² См. <http://w3.usf.edu/FreeAssociation/>.

¹³ См. <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/?q=en/XML-EAT>.

¹⁴ По Куну, «нормальная» наука характеризуется невосприимчивостью ко всему, что не соответствует господствующей научной парадигме, поэтому она развивается в основном количественно за счет накопления фактического материала и распространением своих идей на все более широкие области (так называемый кумулятивный рост), см. [Kuhn 1962].

С 2003 г. отдел психолингвистики ИЯз РАН выпускает журнал «Вопросы психолингвистики». Первую редколлегия журнала возглавил А. А. Леонтьев, однако при его жизни успел выйти только первый номер журнала. С 2006 г. главным редактором является Е. Ф. Тарасов. Как указано на сайте, миссия журнала состоит в «освещении и широком обсуждении последних достижений отечественной и зарубежной психолингвистики, развитие научного сотрудничества ученых-психолингвистов, психолингвистических школ России и других стран»¹⁵.

Однако не все психолингвисты Московской школы занимаются «языковым сознанием». С момента создания Проблемной группы психолингвистики в ИЯз в нее входит Р. М. Фрумкина, чья работа выделяется в отдельное направление исследований. Вот как Фрумкина описывает себя как психолингвиста: «Тогда я и прочитала одну из многих работ замечательного психофизиолога речи Л. А. Чистович — “Текущее распознавание речи человеком” — и испытала ощущение распахнувшегося горизонта, которое помню по сей день. Подчеркну, что не эта работа Чистович считается самой замечательной — но в моей жизни именно она сыграла особую роль. Я вдруг поняла, что я как бы “задумана” самой природой как экспериментатор. (...) Психолингвистику как научное направление отличает сосредоточенность на том, что на самом деле происходит в нашей психике в процессе порождения и восприятия текста. (...) При всем разнообразии проблематики, которой я занималась после выхода книги “Статистические методы в изучении лексики” (1964), я прежде всего стремилась понять, “что мы делаем, когда говорим и думаем”. Так или иначе, “официальный статус” психолингвиста я получила в 1976 г.» [Фрумкина 2006: 5–6].

За прошедшие с тех пор годы Фрумкина занималась вопросами категоризации [Фрумкина и др. 1991], семантикой слов-цветообозначений [Фрумкина 1984а] и мн. др. Все ее работы отличает строгая постановка задачи и математическая точность обработки результатов и их интерпретации.

В 2001 г. вышел учебник Фрумкиной «Психолингвистика» [Фрумкина 2001], который оказал большое влияние на автора данного обзора, открыв, в свою очередь, и для него мир психолингвистики как науки о том, «что мы делаем, когда говорим и думаем», подробнее см. рецензию в «Русском журнале» под названием «Мысли на вырост» [Федорова 2001]¹⁶.

Комментарий 3. Не претендуя на полноту, кратко обозначим некоторые другие отечественные школы.

Тверская школа ассоциируется с именем А. А. Залевской, которая с 1969 г. работала в Калининском (Тверском) государственном университете. В 1999 г. был опубликован учебник Залевской «Психолингвистика», в котором автор справедливо пишет: «Детальную информацию о популярных ныне проблемах психолингвистики можно получить из коллективной монографии “Handbook of psycholinguistics” [Gernsbacher 1994], к работе над которой были привлечены 49 авторов. (...) Несколько иные акценты расставлены в отечественных исследованиях последних лет, о чем можно судить по проблематике симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации» [Залевская 1999: 24]. В этом учебнике основное внимание уделяется проблемам устройства ментального лексикона, а также двуязычию, что характерно и для тверской школы в целом. См. также сборник трудов [Залевская 2005].

Саратовская школа была основана И. Н. Гореловым (1928–1999), который в 1977 г. защитил докторскую диссертацию «Проблема функционального базиса речи», легшую в основу его монографии «Невербальные компоненты коммуникации» [Горелов 1980]. «Функциональный базис речи» по Горелову — это некоторое семиотическое образование, невербальный код,

¹⁵ См. <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/journals/vpl>.

¹⁶ Заметим, однако, что в этом учебнике ПЛ показана такой, какой она была в 1960–1980-х гг.: «Психолингвистика — это прежде всего определенный ракурс, в котором изучаются язык, речь, познавательные процессы» [Фрумкина 2001: 4]. На наш взгляд, в начале 1990-х гг. ПЛ перестала быть «ракурсом» и превратилась в полноценную науку.

который состоит из телесно-вокально-изобразительных знаковых компонентов. Эта идея перекликается с идеями Н. И. Жинкина о существовании в сознании человека особого языка интеллекта — универсального предметного кода [Жинкин 1998: 35–36]. С 1982 г. Горелов работал в Саратовском государственном университете [Седов 2008б]. Вместе с К. Ф. Седовым он написал один из первых отечественных учебников по ПЛ [Горелов, Седов 1998].

К. Ф. Седов (1954–2011) — ученик и коллега Горелова, издавший в первое десятилетие XXI в. большое количество учебников и хрестоматий по ПЛ [Седов 2004а; 2004б; 2004в; 2007а; 2008а]. Как писал Седов в 2007 г., «отечественная психолингвистика в своем становлении сейчас переживает этап, основной приметой которого выступает остро ощущаемая потребность в самоопределении и самопрезентации. Это время “собирать камни”, время объединять огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений — гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т. п. — в целостную и внутренне структурированную учебно-научную отрасль. Возникнув на магистральном направлении развития мировой гуманитарной мысли, стимулируемая практическими нуждами психологии, педагогики, неориторики, медицины и т. п., психолингвистика за менее чем полувековую историю своего существования не только сумела “оттоптать” себе суверенное научное пространство, но и год за годом все настойчивее продолжает расширять пределы своей вотчины» [Седов 2007б: 105]. Во многом Седов солидаризируется с представителями Московской школы: «Стремлением к преодолению позитивизма и эмпиризма становится провозглашение предметом психолингвистики языкового сознания, т. е. того слоя сознания человека, который оперирует элементами языковой структуры» [Там же: 106].

Воронежская школа под руководством И. А. Стернина также активно развивает идеи «языкового сознания», занимаясь в первую очередь его лексическими аспектами. Выделяя три значения слова — лексикографическое, коммуникативное и психолингвистическое — воронежские психолингвисты исследуют последнее, понимая под ним «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка на определенном этапе развития общества, в определенный временной период» [Стернин и др. 2017: 213]. Исследователи этого направления вводят понятие «семная семасиология», т. е. «семантика отдельного слова описывается с использованием понятия семы как упорядоченная семная структура» [Там же: 213]. Основным методом Воронежской школы является метод АЭ.

Пермская школа расширяет Петербургскую (Щербовскую) традицию, поскольку в Перми работают ученики Л. В. Сахарного и А. С. Штерн — в первую очередь И. Г. Овчинникова и Е. В. Ерофеева. Исследования проводятся в университетах г. Перми и Пермском научном центре УрО РАН, с 2013 г. выходит журнал «Социо- и психолингвистические исследования». Как написано в работе [Барина и др. 2019: 187], «исследования психолингвистов Прикамья объединяет интерес к проблемам билингвизма и двуязычия, а также к организации ментального лексикона и ее трансформации при билингвизме. Внимание к двуязычию обусловлено спецификой региона, в котором соседствуют типологически различные языки, принадлежащие разным языковым семьям, а среди жителей распространен национально-русский билингвизм».

3. Психолингвистика XXI века

В прошедшие с начала XXI в. 20 лет отечественная ПЛ продолжает развиваться своим собственным путем. Отвечая в 2010 г. на вопрос интервью «Как, на Ваш взгляд, соотносится то, что делает Ваш Сектор, с общемировыми тенденциями развития психолингвистики? И можно ли сейчас говорить о неких общемировых тенденциях развития психолингвистики?», Тарасов сказал: «Мне кажется, нет никаких общемировых тенденций развития психолингвистики. Некоторое время назад такой общемировой психолингвистической парадигмой была трансформационная грамматика Н. Хомского, и то только потому, что щедро раздавались гранты на эти исследования, активно

спонсировались публикации в журналах. Искусственно созданная тенденция тут же развалилась, как только ученые осознали ее тупиковый путь. С середины 80-х годов начался и продолжается до сих пор период теорий *ad hoc*. Если раньше проверяли психическую реальность трансформационной грамматики Хомского, то сейчас каждый исследователь создает свою теорию объекта изучения. С точки зрения последователей Хомского начался разброд теорий, но большинство ученых полагают, что наука движется естественным путем» [Тарасов 2010: 18].

Авторы некоторых учебников даже полагают, что «хотя признание психолингвистики как серьезной науки в отечественной научной среде состоялось только в начале 60-х гг. XX столетия, отечественная психолингвистическая школа развивалась достаточно интенсивно и вскоре выдвинулась на ведущие позиции. Достижения отечественной психолингвистики получили признание во всем мире. Это произошло во многом благодаря тому, что отечественная психолингвистика черпала истоки для своего развития в огромном научном потенциале отечественной психологической и лингвистической школы, делегировавшей в эту науку лучших своих представителей» [Глухов 2005: 3].

На наш взгляд, описанное положение вещей очень далеко от реального. Как было показано в разделе 1, современная мировая ПЛ представляет собой экспериментальную науку со своей собственной методологией и теоретической базой. Разумеется, существуют современные психолингвистические учебники и хрестоматии (среди многих других см. [Sedivy 2019; Traxler 2012; Fernández, Cairns 2010; 2017; Warren 2012]), однако подавляющее большинство современных публикаций — это статьи в специализированных психолингвистических и общекогнитивных журналах (таких, как “Journal of psycholinguistic research”, “Language, cognition and neuroscience” (бывший “Language and cognitive processes”), “Journal of memory and language” (бывший “Verbal learning and verbal behavior”), “Applied psycholinguistics”, “Cognition”, “Journal of experimental psychology: Learning, memory, and cognition”). Каждая экспериментальная статья добавляет что-то новое — новое явление, новый метод, новый язык — в копилку исследований порождения и понимания речи, тем самым увеличивая общий багаж знаний.

Это положение дел принципиально отличается от пути неконтролируемого расширения «пределов своей вотчины» [Седов 2007б: 105], по которому идет отечественная наука. Если в 1989 г. «размывание границ», о котором писал Сахарный, еще только начиналось, то к 2020 г. оно достигло очень больших масштабов: ни один зарубежный психолингвист не поймет, что такое фоносемантика, этнопсихолингвистика, языковое сознание, коммуникативное сознание, психопоэтика, слово как достояние индивида, интент-анализ речи, психологическое литературоведение или неопсихолингвистика.

Приходится констатировать, что это расширение происходит за счет игнорирования тех исследований, которые относятся к ядру современной ПЛ, т. е. экспериментальных исследований процессов порождения и понимания речи. Отечественные модели порождения, созданные в 1960–1970-х гг., не получают, к большому сожалению, своего дальнейшего развития на современном уровне.

Тем не менее среди психолингвистов, которые проводят исследования на материале русского языка, есть и другие ученые. Ниже мы кратко опишем современные отечественные работы, которые хорошо вписываются в мировую психолингвистическую палитру.

Прежде всего отметим современную Петербургскую школу, во главе которой уже много лет стоит Т. В. Черниговская — профессор кафедры общего языкознания СПбГУ, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ (см., среди многих других, [Черниговская и др. 1983; Черниговская, Деглин 1986; Черниговская 2013]). По ее инициативе в 2000 г. на кафедре общего языкознания филологического факультета СПбГУ была открыта учебная специализация «Психолингвистика», позже трансформировавшаяся в отдельную

программу магистратуры, проводятся регулярные семинары и конференции. С 2011 г. в Санкт-Петербурге проводятся международные семинары St. Petersburg Winter Workshops on Experimental Studies of Speech and Language¹⁷.

Черниговская воспитала целую плеяду психолингвистов, ориентирующихся в своей работе на мировые психолингвистические стандарты — в первую очередь это Н. А. Слюсарь [Slioussar 2011a; 2011b; 2018; Slioussar et al. 2014; Slioussar, Malko 2016], а также С. В. Алексеева [Алексеева, Слюсарь 2017], Т. Е. Петрова, Е. И. Риехакайнен [Petrova et al. 2020], В. К. Прокопья [Прокопья и др. 2018], Д. А. Чернова [Чернова и др. 2016] и др.

Говоря о Петербургской школе, необходимо также упомянуть А. С. Штерн (1942–1995), ученицу Л. Р. Зиндера (см. [Штерн 1992]), а также специальный выпуск журнала «Проблемы социо- и психолингвистики» (2012), приуроченный к ее 70-летию), В. Я. Шабеса [1989], А. В. Венцова, В. Б. Касевича [Венцов, Касевич 2003], М. В. Русакову (1957–2009, [Русакова 2013]), а также Е. В. Ягунову [2008].

К числу психолингвистов отечественного происхождения, много работающих в США с русским языком, принадлежит И. А. Секерина, которая оказала наибольшее влияние на становление психолингвистических взглядов автора данного обзора. Ее работы (в том числе проведенные с использованием метода регистрации движений глаз и вызванных потенциалов мозга, например, [Секерина 1996; 2006; Sekerina et al. 2006; Sekerina 2012; Sekerina, Sauermann 2015; Laurinavichyute et al. 2019]) вносят, пожалуй, наибольший «русский вклад» в современную «международную копилку» психолингвистических знаний.

Другим зарубежным исследователем отечественного происхождения является А. В. Мячиков, последние годы работающий и в Москве [Myachukov et al. 2013; 2018]. В 2019 г. он был председателем Программного комитета конференции AMLAP, впервые проведенной в Москве¹⁸.

Подведем некоторые итоги. За последние 100 лет мировая ПЛ шагнула далеко вперед. Что такое современный психолингвистический эксперимент? Если 100 лет назад представление Щербы об эксперименте можно было назвать передовым, то по крайней мере последние 50 лет это уже не так. С другой стороны, ассоциативный эксперимент ушел из активной мировой ПЛ также более 50 лет назад и теперь обычно используется только для сбора нормативных данных при исследовании устройства ментального лексикона.

Для получения валидных данных, которые можно использовать при построении новых теорий или проверке уже существующих, в современной ПЛ необходимо как сочетание интроспекции, наблюдения и эксперимента, так и использование разных методов внутри экспериментальной парадигмы. Такой подход не является новым для отечественной ПЛ (см., в частности, приведенные выше цитаты из учебника Сахарного), однако в последние 30 лет он был утерян.

На наш взгляд, исследования «языкового сознания», активно проводимые Московской школой, не являются научными в строгом смысле слова. С одной стороны, у этих исследований нет того, что в современном науковедении принято называть методологией, т. е. внятных целей и задач, гипотез, моделей, теорий и доказательной базы. С другой стороны, в настоящий момент само «языковое сознание» представляет собой, по удачному выражению И. Г. Овчинниковой, «с трудом поддающийся определению феномен» и не приближает нас к пониманию того, как осуществляется процесс языковой коммуникации.

¹⁷ См. <https://nightwhites2019.wordpress.com/>.

¹⁸ Возможно, развитию идей мировой ПЛ в нашей стране мог бы также способствовать перевод и издание современных зарубежных учебников, хрестоматий (хэндбуков) и сборников статей. Насколько нам известно, в последние годы в области ПЛ вышло совсем мало переводных работ — малоизвестный на Западе Дж. Филд «Психолингвистика. Ключевые концепты» [Филд 2012] и очень популярный, даже скорее научно-популярный, С. Пинкер (например, «Язык как инстинкт» [Пинкер 2009]).

В любом случае, эти работы не имеют отношения к современной ПЛ в том ее виде, который в последние десятилетия сложился во всем остальном научном мире. Сторонники отечественной ПЛ могут на это возразить, что не стоит априори признавать научный авторитет Запада, а, наоборот, необходимо идти своим путем и пропагандировать наши достижения на Западе. Однако для этого исследования Московской школы должны стать конкурентоспособными, т. е. прежде всего приобрести строгую методологию и теоретическую базу. Без этого они превращаются не столько в альтернативную научную школу, сколько в альтернативу науки как таковой, или, по недавно предложенному удачному определению петербургских социологов, в «туземную науку» [Соколов, Титаев 2013].

Вернемся еще раз к словам Куна о «научных парадигмах» и «научных революциях». Действительно, текущее положение дел в отечественной ПЛ хорошо описывается цитатой из Куна о «нормальной» науке, которая характеризуется невосприимчивостью ко всему, что не соответствует господствующей научной парадигме. К сожалению, современная отечественная ПЛ в ее господствующей научной парадигме занимается описанием «языкового сознания» и не занимается всеми теми вопросами, которые характерны для ПЛ остального мира.

Кун говорил, что история науки не является линейным процессом накопления знаний — в ней чередуются периоды «нормальных» наук и «научных революций» (или «смен парадигм»), т. е. переходов от одной «нормальной» науки к другой [Kuhn 1962]. Хочется надеяться, что в скором времени отечественную ПЛ ожидает очередная «научная революция» — переход от советской / российской традиции, сложившейся в 1980–2010-х гг., к общемировой. Как представляется, такой переход практически неизбежен. Но лучше постараться его ускорить — и тогда материал русского языка начнет наконец полноценно тестироваться в современных экспериментальных исследованиях наравне с английским, нидерландским, немецким или китайским, а имена отечественных психолингвистов будут на слуху не только в нашей стране, но и во всем мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеева, Слюсарь 2017 — Алексеева С. В., Слюсарь Н. А. Орфографические соседи в русском языке: база данных и эксперимент, направленный на изучение морфологической декомпозиции. *Вопросы психолингвистики*, 2017, 32: 12–27. [Alekseeva S. V., Slioussar N. A. Orthographical neighbors in Russian: A database and an experimental study of morphological decomposition. *Voprosy psikholingvistiki*, 2017, 32: 12–27.]
- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. *История лингвистических учений*. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic theories]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Ахутина 2007 — Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой: 1967–2005. *Вопросы психолингвистики*, 2007, 6: 13–26. [Akhutina T. V. Leontiev & Ryabova's model of speech production: 1967–2005. *Voprosy psikholingvistiki*, 2007, 6: 13–26.]
- Балясникова, Уфимцева 2018 — Балясникова О. В., Уфимцева Н. В. Стратегии актуализации категории эго в языковом сознании русских (по данным ассоциативного эксперимента). *Вопросы психолингвистики*, 2018, 4(38): 14–33. [Balyasnikova O. V., Ufimtseva N. V. Strategies of actualization of the ego category in the linguistic consciousness of Russians: Evidence from an associative experiment. *Voprosy psikholingvistiki*, 2018, 4(38): 14–33.]
- Барина и др. 2019 — Барина И. А., Доценко Т. И., Овчинникова И. Г., Чугаева Т. Н. Моделирование ментального лексикона в условиях билингвизма. *Вопросы психолингвистики*, 2019, 40: 186–199. [Barinova I. A., Dotsenko T. I., Ovchinnikova I. G., Chugaeva T. N. Modelling the mental lexicon in the case of bilingualism. *Voprosy psikholingvistiki*, 2019, 40: 186–199.]
- Венцов, Касевич 2003 — Венцов А. В., Касевич В. Б. *Проблемы восприятия речи*. М.: УРСС, 2003. [Ventsov A. V., Kasevich V. B. *Problemy vospriyatiya rechi* [Problems of speech perception]. Moscow: URSS, 2003.]
- ВЯ 1987 — К семидесятилетию советского языкознания. *Вопросы языкознания*, 1987, 5: 6–7. [70 years of Soviet linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 1987, 5: 6–7.]

- Глухов 2005 — Глухов В. П. *Основы психолингвистики*. М.: Астрель, 2005. [Glukhov V. P. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow: Astrel', 2005.]
- Горелов 1980 — Горелов И. Н. *Невербальные компоненты коммуникации*. М.: Наука, 1980. [Gorelov I. N. *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Non-verbal components of communication]. Moscow: Nauka, 1980.]
- Горелов, Седов 1998 — Горелов И. Н., Седов К. Ф. *Основы психолингвистики*. М.: Лабиринт, 1998. [Gorelov I. N., Sedov K. F. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow: Labirint, 1998.]
- Жинкин 1998 — Жинкин Н. И. *Язык — речь — творчество*. М.: Лабиринт, 1998. [Zhinkin N. I. *Yazyk — rech' — tvorchestvo* [Language — speech — creativity]. Moscow: Labirint, 1998.]
- Залевская 1999 — Залевская А. А. *Введение в психолингвистику*. М.: РГГУ, 1999. [Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1999.]
- Залевская 2005 — Залевская А. А. *Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды*. М.: Гнозис, 2005. [Zalevskaya A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Research in psycholinguistics. Word. Text. Selected works]. Moscow: Gnozis, 2005.]
- Звегинцев 1964–1965 — Звегинцев В. А. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, Ч. 1: 1964, Ч. 2: 1965. [Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykozvaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of linguistics of the 19th and 20th centuries in surveys and excerpts]. Moscow: Ministry of Education of the RSFSR Publ., Part 1: 1964, Part 2: 1965.]
- Ильясов 1968 — Ильясов И. И. Эксперимент Дж. Миллера по проверке психологической реальности трансформационной модели (анализ методики). *Психология грамматики*. Леонтьев А. А., Рябова Т. В. (ред.). М.: МГУ, 1968, 50–66. [Il'yasov I. I. George A. Miller's experiment testing the psychological reality of the transformational model: Analysis of the method. *Psikhologiya grammatiki*. Leont'ev A. A., Ryabova T. V. (eds.). Moscow: Moscow State Univ., 1968, 50–66.]
- Леонтьев 1969 — Леонтьев А. А. О работе проблемной группы психолингвистики Института языкознания АН СССР. *Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком*. Леонтьев А. А., Рябова Т. В. (ред.). М.: МГУ, 1969, 232–233. [Leont'ev A. A. On the work of the group of psycholinguistics in the Institute of Linguistics. *Psikhologicheskie i psikholingvisticheskie problemy vladeniya i ovladeniya yazykom*. Leont'ev A. A., Ryabova T. V. (eds.). Moscow: Moscow State Univ., 1969, 232–233.]
- Леонтьев 1974 — Леонтьев А. А. (ред.). *Основы теории речевой деятельности*. М.: Наука, 1974. [Leont'ev A. A. (ed.). *Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti* [Foundations of speech activity theory]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Леонтьев 1997 — Леонтьев А. А. *Основы психолингвистики*. М.: Смысл, 1997. [Leont'ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow: Smysl, 1997.]
- Д. Леонтьев и др. 2016 — Леонтьев Д. А., Леонтьева А. А., Тарасов Е. Ф. Алексей Алексеевич Леонтьев: научная биография. *Вопросы психолингвистики*, 2016, 27: 10–17. [Leont'ev D. A., Leont'eva A. A., Tarasov E. F. Aleksei A. Leont'ev: Academic biography. *Voprosy psikholingvistiki*, 2016, 27: 10–17.]
- Надеина 2012 — Надеина Т. М. Лингвистические исследования на АРСО. *Речевые технологии*, 2012, 4: 83–96. [Nadeina T. M. Linguistic research within the seminar “Automatic recognition of sound images”. *Rechevye tekhnologii*, 2012, 4: 83–96.]
- Овчинникова 2006 — Овчинникова И. Г. Л. В. Сахарный и А. С. Штерн. *Вопросы психолингвистики*, 2006, 4: 32–36. [Ovchinnikova I. G. Leonid V. Sakharnyi and Alla S. Shtern. *Voprosy psikholingvistiki*, 2006, 4: 32–36.]
- Овчинникова 2008 — Овчинникова И. Г. Что скрывается за термином «языковое сознание»? *Филологические заметки*, 2008, 1: 4. [Ovchinnikova I. G. What stands behind the term ‘linguistic consciousness’? *Filologicheskie zametki*, 2008, 1: 4.]
- Пинкер 2009 — Пинкер С. *Язык как инстинкт*. Пер. с англ. Е. В. Кайдаловой. М.: УРСС, 2009. [Pinker S. *The language instinct: How the mind creates language*. New York: William Morrow & Co., 1994. Transl. into Russian.]
- Прокопья и др. 2018 — Прокопья В. К., Слюсарь Н. А., Петрова Т. Е., Чернова Д. А., Черниговская Т. В. Экспериментальные исследования грамматики: установление анафорических отношений в процессе речепонимания. *Вопросы языкознания*, 2018, 1: 76–90. [Prokopenya V. K., Slioussar N. A., Petrova T. E., Chernova D. A., Chernigovskaya T. V. Experimental studies of grammar: Anaphora resolution in speech comprehension. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 1: 76–90.]
- Русакова 2013 — Русакова М. В. *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki*

- russkogo yazyka* [Elements of anthropocentric grammar of Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Сахарный 1989 — Сахарный Л. В. *Введение в психолингвистику: курс лекций*. Л.: ЛГУ, 1989. [Sakharnyi L. V. *Vvedenie v psikholingvistiku: kurs lektzii* [Introduction to psycholinguistics: Lecture course]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1989.]
- Седов 2004а — Седов К. Ф. (ред.). *Возрастная психолингвистика: хрестоматия*. М.: Лабиринт, 2004. [Sedov K. F. (ed.). *Vozrastnaya psikholingvistika: khrestomatiya* [Psycholinguistics of age: An anthology]. Moscow: Labirint, 2004.]
- Седов 2004б — Седов К. Ф. (ред.). *Общая психолингвистика: хрестоматия*. М.: Лабиринт, 2004. [Sedov K. F. (ed.). *Obshchaya psikholingvistika: khrestomatiya* [General psycholinguistics: An anthology]. Moscow: Labirint, 2004.]
- Седов 2004в — Седов К. Ф. *Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции*. М.: Лабиринт, 2004. [Sedov K. F. *Diskurs i lichnost'. Evolyutsiya kommunikativnoi kompetentsii* [Discourse and personality. Evolution of communicative competence]. Moscow: Labirint, 2004.]
- Седов 2007а — Седов К. Ф. *Нейропсихолингвистика*. М.: Лабиринт, 2007. [Sedov K. F. *Neiropsikholingvistika* [Neuropsycholinguistics]. Moscow: Labirint, 2007.]
- Седов 2007б — Седов К. Ф. Принципы построения современной отечественной психолингвистики. *Вопросы психолингвистики*, 2007, 5: 105–110. [Sedov K. F. Organizing principles of modern Russian psycholinguistics. *Voprosy psikholingvistiki*, 2007, 5: 105–110.]
- Седов 2008а — Седов К. Ф. *Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека*. М.: Лабиринт, 2008. [Sedov K. F. *Ontopsikholingvistika: stanovlenie kommunikativnoi kompetentsii cheloveka* [Ontopsycholinguistics: Development of communicative competence]. Moscow: Labirint, 2008.]
- Седов 2008б — Седов К. Ф. Функциональный базис речи в структуре сознания (к 80-летию со дня рождения И. Н. Горелова). *Психологические аспекты изучения речевой деятельности*, 2008, 6: 119–128. [Sedov K. F. Functional basis of speech in the structure of mind. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*, 2008, 6: 119–128.]
- Секерина 1996 — Секерина И. А. Американские теории синтаксического анализа предложения в процессе понимания. *Вопросы языкознания*, 1996, 3: 100–138. [Sekerina I. A. American theories of syntactical analysis of the sentence in the process of understanding. *Voprosy Jazykoznanija*, 1996, 3: 100–138.]
- Секерина 2006 — Секерина И. А. Метод вызванных потенциалов мозга в экспериментальной психолингвистике. *Вопросы языкознания*, 2006, 3: 22–45. [Sekerina I. A. The method of event-related brain potential in experimental psycholinguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 3: 22–45.]
- Соколов, Титаев 2013 — Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука. *Антропологический форум*, 2013, 19: 239–275. [Sokolov M. M., Titaev K. D. Provincial and aboriginal science. *Antropologicheskii forum*, 2013, 19: 239–275.]
- Стернин и др. 2017 — Стернин И. А., Рудакова А. В., Виноградова О. Е. Проект «Значение как феномен языкового сознания» (психолингвистическое значение слова). *Вопросы психолингвистики*, 2017, 32: 211–225. [Sternin I. A., Rudakova A. V., Vinogradova O. E. The project “Meaning as a phenomenon of linguistic consciousness”: Psycholinguistic meaning of the word. *Voprosy psikholingvistiki*, 2017, 32: 211–225.]
- Тарасов 2006 — Тарасов Е. Ф. Предисловие. *Вопросы психолингвистики*, 2006, 4: 4. [Tarasov E. F. Introduction. *Voprosy psikholingvistiki*, 2006, 4: 4.]
- Тарасов 2010 — Интервью с профессором Евгением Федоровичем Тарасовым. Московская психолингвистическая школа: истоки, становление, результаты. *Вопросы психолингвистики*, 2010, 12: 15–19. [The interview with Professor Evgeniy Fedorovich Tarasov. Moscow Psycholinguistic School: Origins, establishment, result. *Voprosy psikholingvistiki*, 2010, 12: 15–19.]
- Тарасов 2015 — Тарасов Е. Ф. «Я не мыслю себя в другой деятельности...». *Вопросы психолингвистики*, 2015, 24: 20–23. [Tarasov E. F. “I do not imagine myself in another sphere...”. *Voprosy psikholingvistiki*, 2015, 24: 20–23.]
- Уфимцева 2007 — Уфимцева Н. В. От редактора. *Вопросы психолингвистики*, 2007, 6: 5. [Ufimtseva N. V. From the editor. *Voprosy psikholingvistiki*, 2007, 6: 5.]
- Ушакова 2006 — Ушакова Т. Н. (ред.). *Психолингвистика*. М.: ПЕРСЭ, 2006. [Ushakova T. N. (ed.). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: PERSE, 2006.]
- Федорова 2001 — Федорова О. В. Мысли на вырост. *Русский журнал*, 2001. Вне рубрик. Сумерки просвещения. [Fedorova O. V. Thoughts to grow on. *Russian Journal*, 2001.] http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20011219-pr.html.

- Федорова 2013 — Федорова О. В. Об экспериментальном синтаксисе и о синтаксическом эксперименте в языкознании. *Вопросы языкознания*, 2013, 1: 3–21. [Fedorova O. V. Experimental syntax and syntax experiment. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 1: 3–21.]
- Федорова 2016 — Федорова О. В. [Рец. на:] W. J. M. Levelt. A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era. New York: Oxford University Press, 2013. *Вопросы языкознания*, 2016, 6: 135–141. [Fedorova O. V. [Review of:] W. J. M. Levelt. A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era. New York: Oxford University Press, 2013. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 6: 135–141.]
- Федорова 2020 — Федорова О. В. *Психолингвистика*. М.: Буки-Веди, 2020. [Fedorova O. V. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Buki-Vedi, 2020.]
- Филд 2012 — Филд Дж. *Психолингвистика. Ключевые концепты. Энциклопедия терминов*. Пер. с англ. М.: УРСС, 2012. [Field J. *Psycholinguistics: The key concepts*. London: Routledge, 2004. Transl. into Russian.]
- Фрумкина 1984а — Фрумкина Р. М. *Цвет, смысл, сходство*. М.: Наука, 1984. [Frumkina R. M. *Tsvet, smysl, skhodstvo* [Color, meaning, similarity]. Moscow: Nauka, 1984.]
- Фрумкина 1984б — Фрумкина Р. М. Предисловие. *Психолингвистика*. Шахнарович А. М. (сост.). М.: Прогресс, 1984. [Frumkina R. M. Introduction. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Shakhnarovich A. M. (comp.). Moscow: Progress, 1984.]
- Фрумкина 2001 — Фрумкина Р. М. *Психолингвистика*. М.: Академия, 2001. [Frumkina R. M. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Academia, 2001.]
- Фрумкина 2006 — Фрумкина Р. М. Как я стала психолингвистом. *Вопросы психолингвистики*, 2006, 4: 5–6. [Frumkina R. M. How I became a psycholinguist. *Voprosy psikholingvistiki*, 2006, 4: 5–6.]
- Фрумкина и др. 1991 — Фрумкина Р. М., Михеев А. В., Мостовая А. Д., Рюмина Н. А. *Семантика и категоризация*. М.: Наука, 1991. [Frumkina R. M., Mikheev A. V., Mostovaya A. D., Ryumina N. A. *Semantika i kategorizatsiya* [Semantics and categorization]. Moscow: Nauka, 1991.]
- Черниговская 2013 — Черниговская Т. В. *Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Chernigovskaya T. V. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire smile of Schrödinger's cat: Language and mind]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2013.]
- Черниговская, Деглин 1986 — Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам*, 1986, 19: 68–84. [Chernigovskaya T. V., Deglin V. L. Metaphorical and syllogistic thinking as an instantiation of functional asymmetry of brain. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam*, 1986, 19: 68–84.]
- Черниговская и др. 1983 — Черниговская Т. В., Балонов Л. Я., Деглин В. Л. Билингвизм и функциональная асимметрия мозга. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам*, 1983, 16: 62–83. [Chernigovskaya T. V., Balonov L. Yu., Deglin V. L. Bilingualism and functional asymmetry of brain. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam*, 1983, 16: 62–83.]
- Чернова и др. 2016 — Чернова Д. А., Слюсарь Н. А., Прокопья В. К., Петрова Т. Е., Черниговская Т. В. Экспериментальные исследования грамматики: синтаксический анализ неоднозначных предложений. *Вопросы языкознания*, 2016, 6: 36–50. [Chernova D. A., Slioussar N. A., Prokopenya V. K., Petrova T. Ye. Experimental studies of grammar: Syntactic analysis of ambiguous sentences. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 6: 36–50.]
- Шабес 1989 — Шабес В. Я. *Событие и текст*. М.: Высшая школа, 1989. [Shabes V. Ya. *Sobytie i tekst* [Event and text]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989.]
- Штерн 1992 — Штерн А. С. *Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование)*. СПб.: СПбГУ, 1992. [Shtern A. S. *Pertseptivnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti (eksperimental'noe issledovanie)* [Perceptive aspect of speech activity: An experimental study]. St. Petersburg: Saint Petersburg State Univ., 1992.]
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *Языковая система и речевая деятельность*. Щерба Л. В. Л.: Наука, 1974, 24–39. [Shcherba L. V. On the threefold aspect of linguistic phenomena and experiment in linguistics. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Shcherba L. V. Leningrad: Nauka, 1974, 24–39.]
- Юнг 2015 — Юнг К. Г. *Тавистокские лекции*. Пер. с англ. М.: Астрел-Х, 2015. [Jung C. G. *Analytical psychology: Its theory and practice. The Tavistock lectures*. New York: Vintage Books, 1970. Transl. into Russian.]
- Ягунова 2008 — Ягунова Е. В. *Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных*

- смилей). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2008. [Yagunova E. V. *Variativnost' strategii vospriyatiya zvuchashchego teksta (eksperimental'noe issledovanie na materiale russkoyazychnykh tekstov raznykh funktsional'nykh stilei)* [Varying strategies of speech perception: Experimental study with Russian texts of different functional styles]. Perm: Perm Univ. Press, 2008.]
- Barrón-Martínez, Arias-Trejo 2014 — Barrón-Martínez J., Arias-Trejo N. Word association norms in Mexican Spanish. *The Spanish Journal of Psychology*, 2014, 17: E90.
- Bock, Levelt 1994 — Bock K., Levelt W. J. M. Language production. Grammatical encoding. *Handbook of psycholinguistics*. Gernsbacher M. A. (ed.). New York: Academic Press, 741–779.
- Buswell 1935 — Buswell G. T. *How people look at pictures*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1935.
- Buswell 1937 — Buswell G. T. *How adults read*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1937.
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. Gravenhage: Mouton, 1957.
- Chomsky 1959 — Chomsky N. Review of B. F. Skinner “Verbal behavior”. *Language*, 1959, 35: 26–58.
- Cowart 1997 — Cowart W. *Experimental syntax: Applying objective methods to sentence judgments*. London: Sage Publications, 1997.
- Crain, Steedman 1985 — Crain S., Steedman M. On not being led up the garden path: The use of context by the psychological parser. *Natural language parsing: Psychological, computational and theoretical perspectives*. Dowty D. R., Karttunen L., Zwicky A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Dąbrowska 2010 — Dąbrowska E. Naive v. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments. *The Linguistic Review*, 2010, 27(1): 1–23.
- Fernández, Cairns 2010 — Fernández E. M., Cairns H. S. *Fundamentals of psycholinguistics*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010.
- Fernández, Cairns 2017 — Fernández E. M., Cairns H. S. (eds.). *The handbook of psycholinguistics*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017.
- Fodor 1983 — Fodor J. A. *The modularity of mind: An essay of faculty psychology*. Cambridge (MA): MIT Press, 1983.
- Frazier 1987 — Frazier L. Sentence processing: A tutorial review. *Attention and performance XII: The psychology of reading*. Coltheart M. (ed.). Hillsdale: Erlbaum, 1987, 559–586.
- Herder 1772 — Herder J. G. *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*. Berlin: Voss, 1772.
- Gernsbacher 1994 — Gernsbacher M. A. (ed.). *Handbook of psycholinguistics*. New York: Academic Press, 1994.
- Gottsdanker 1982 — Gottsdanker R. *Experimenting in psychology*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1982.
- Kantor 1936 — Kantor J. R. *An objective psychology of grammar*. Bloomington: Principia Press, 1936.
- Kantowitz et al. 2015 — Kantowitz B. H., Roediger H. L., Elmes D. G. (eds.). *Experimental psychology*. Belmont (CA): Cengage Learning, 2015.
- Kuhn 1962 — Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1962.
- Lashley 1951 — Lashley K. S. The problem of serial order in behavior. *Cerebral mechanisms in behavior*. Jeffress L. A. (ed.). New York: John Wiley & Sons, 1951, 112–136.
- Laurinavichyute et al. 2019 — Laurinavichyute A. K., Sekerina I. A., Alexeeva S., Bagdasaryan K., Kliegl R. Russian sentence corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Cyrillic. *Behavior Research Methods*, 2019, 51: 1161–1178.
- Leontiev 1971 — Leontiev A. *Sprache — Sprechen — Sprechfähigkeit*. Stuttgart: Kohlhammer, 1971.
- Levelt 1989 — Levelt W. J. M. *Speaking: From intention to articulation*. Cambridge (MA): MIT Press, 1989.
- Levelt 2013 — Levelt W. J. M. *A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era*. New York: Oxford Univ. Press, 2013.
- MacDonald et al. 1994 — MacDonald M. C., Pearlmutter N., Seidenberg M. S. Syntactic ambiguity resolution as lexical ambiguity resolution. *Perspectives on sentence processing*. Clifton C., Frazier L., Rayner K. (eds.). Hillsdale: Erlbaum, 1994.
- Miller 1951 — Miller G. A. *Language and communication*. New York: McGraw-Hill, 1951.
- Myachykov et al. 2013 — Myachykov A., Scheepers C., Garrod S., Thompson D., Fedorova O. Syntactic flexibility and completion in sentence production: The case of English and Russian. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2013, 66(8): 1601–1619.
- Myachykov et al. 2018 — Myachykov A., Pokhoday M., Tomlin R. Attention and structural choice in sentence production. *Oxford handbook of psycholinguistics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 1–24.
- Myers 2009 — Myers J. The design and analysis of small-scale syntactic judgment experiments. *Lingua*, 2009, 119: 425–444.
- Nelson et al. 1998 — Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. *The university of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms*. 1998. <http://www.usf.edu/FreeAssociation/>.

- Newmeyer 1983 — Newmeyer F. J. *Grammatical theory, its limits and its possibilities*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983.
- Osgood, Sebeok 1954 — Osgood C. E., Sebeok T. A. (eds.). *Psycholinguistics: A survey of theory and research problems*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1954.
- Petrova et al. 2020 — Petrova T. E., Riekhakaynen E. I., Bratash V. S. An eye-tracking study of sketch processing: Evidence from Russian. *Frontiers in psychology*, 2020, 11: 1–7.
- Pronko 1946 — Pronko N. H. Language and psycholinguistics: A review. *Psychological Bulletin*, 1946, 43: 189–239.
- Schütze 1996 — Schütze C. T. *The empirical basis of linguistics*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996.
- Sedivy 2019 — Sedivy J. *Language in mind: An introduction to psycholinguistics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019.
- Sekerina 2012 — Sekerina I. A. The effects of grammatical gender in Russian spoken-word recognition. *Russian language studies in North America: New perspectives from theoretical and applied linguistics*. Makarova V. (ed.). London: Anthem Press, 2012, 107–130.
- Sekerina, Saueremann 2015 — Sekerina I. A., Saueremann A. Visual attention and quantifier-spreading in heritage Russian bilinguals. *Second Language Research*, 2015, 31: 75–104.
- Sekerina et al. 2006 — Sekerina I., Brooks P., Kempe V. Gender transparency facilitates noun selection in Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics. The Princeton Meeting 2005*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2006, 347–362.
- Shannon 1948 — Shannon C. E. A mathematical theory of communication. *Bell System Technical Journal*, 1948, 27: 379–423.
- Skinner 1957 — Skinner B. F. *Verbal behavior*. Acton: Copley Publishing Group, 1957.
- Slioussar 2011a — Slioussar N. Processing of a free word order language: The role of syntax and context. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2011, 40(4): 291–306.
- Slioussar 2011b — Slioussar N. Russian and the EPP requirement in the Tense domain. *Lingua*, 2011, 121(14): 2048–2068.
- Slioussar 2018 — Slioussar N. Forms and features: The role of syncretism in number agreement attraction. *Journal of Memory and Language*, 2018, 101: 51–63.
- Slioussar et al. 2014 — Slioussar N., Kireev M. V., Chernigovskaya T. V., Kataeva G. V., Korotkov A. D., Medvedev S. V. An ER-fMRI study of Russian inflectional morphology. *Brain and Language*, 2014, 130: 33–41.
- Slioussar, Malko 2016 — Slioussar N., Malko A. Gender agreement attraction in Russian: Production and comprehension evidence. *Frontiers in Psychology*, 2016, 7: 1–20.
- Stroop 1935 — Stroop J. R. Studies of interference in serial verbal reactions. *Journal of Experimental Psychology*, 1935, 28: 643–662.
- Svetozarova 2014 — Svetozarova N. La phonologie et la phonétique appliquée au département de phonétique de l'université de Leningrad (1950–1970). *Cahier de l'ILSL*, 2014, 40 (*La linguistique soviétique à la recherche des nouveaux paradigmes*): 47–72.
- Tanenhaus et al. 1995 — Tanenhaus M. K., Spivey-Knowlton M. J., Eberhard K. M., Sedivy J. C. Integration of visual and linguistic information in spoken language comprehension. *Science*, 1995, 268(5217): 1632–1634.
- Traxler 2012 — Traxler M. J. *Introduction to psycholinguistics: Understanding language science*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012.
- Treisman 1961 — Treisman A. M. *Attention and speech*. Ph.D. diss. Oxford: Univ. of Oxford, 1961.
- Warren 2012 — Warren P. *Introducing psycholinguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Watson 1913 — Watson J. B. Psychology as the behaviorist views it. *Psychological Review*, 1913, 20: 158–177.
- Wertheimer 1912 — Wertheimer M. Experimentelle Studien über das Sehen von Bewegung. *Zeitschrift für Psychologie*, 1912, 61: 161–265.
- Wiener 1948 — Wiener N. *Cybernetics: Or control and communication in the animal and the machine*. Paris: Hermann & Cie, 1948.
- Woodworth 1938 — Woodworth R. S. *Experimental psychology*. New York: Holt, 1938.
- Wundt 1900 — Wundt W. *Die Sprache*. In 2 vols. Leipzig: Engelmann, 1900.